

— Показывай, что там у тебя, — ответил Цзи Шэньюй.

Дин Ханьбай, не раздумывая, присел рядом и принялся разглядывать его. После стольких дней в постели, когда от боли он не мог ни есть, ни спать, Цзи Шэньюй не только не поправился, а наоборот, исхудал. Дин Ханьбай протянул руку, сжал плечо юноши и слегка надавил, убеждаясь, что под кожей почти не осталось мышц.

А вот те две половинки пониже... еще вполне округлые.

Цзи Шэньюй, чувствуя себя крайне неловко под таким внимательным взглядом, выпрямился. Расстояние между ними сократилось до полуметра, и он отчетливо увидел еще не высохшие кончики волос Дина.

— Старший брат, — позвал он, — завтра начинаются занятия. Ты не мог бы помочь мне отпроситься у учителя?

Дин Ханьбай хмыкнул:

— Раз уж можешь ходить, значит, и в школу доберешься.

Цзи Шэньюй объяснил:

— Я хожу слишком медленно, да и надолго меня не хватит. К тому же, если однокурсники узнают, что я был болен, это будет неловко.

Дин Ханьбай кивнул:

— Хорошо, я посмотрю, что можно сделать.

Двери и окна были плотно закрыты, свежего воздуха не было, и мысли Цзи Шэньюя, казалось, застыли вместе с этой неподвижной духотой. Посмотришь? Ему показалось, что у Дина что-то с головой. На что он собрался смотреть? Но выражение лица у того было настолько серьезным, что это совсем не походило на шутку. Неужели он и вправду решил проверить?

— Не зная реального положения дел, как я попрошу об отпуске? Что мне сказать учителю?

— В этом есть смысл...

Дин Ханьбай увидел, как Цзи Шэньюй протянул руку, ухватился за край его рубашки и слегка дернул, приглашая пододвинуться ближе. Дин подался вперед, загнав юношу в угол между собой и изголовьем кровати, и склонил голову вниз, ожидая.

Цзи Шэньюй приподнял край рубашки, обнажив полоску живота, а затем расстегнул пояс и

слегка спустил брюки. Дин Ханьбай сам требовал осмотра, но в этот момент почувствовал себя еще большим извращенцем, чем последний негодяй. Он мельком глянул на рану и тут же отвел взгляд, притворившись благородным мужем.

Неожиданно Цзи Шэньюй спросил:

— ...Сильно опухло?

Дин Ханьбай едва не сорвался:

— Опухло, как же, жди. Ничего там не опухло.

Оба замолчали. В комнате стало тише, чем в больничном морге. Цзи Шэньюй опустил голову и принялся ковырять золотую краску на кончиках пальцев. Дин Ханьбай наконец повернулся к нему:

— Что это у тебя за дрянь на руках?

— Вместе с учителем делали вставку из яшмы, вот, наносил позолоту, — ответил он и тут же спохватился: — Ты давай, звони учителю скорее.

Дин Ханьбай взял с тумбочки телефон. Как только он набрал номер, Цзи Шэньюй придвинулся ближе, опасаясь, что тот наговорит лишнего. Когда ответили, Дин произнес прямо и четко:

— Здравствуйте, учитель Ду. Я старший брат Цзи Шэньюя. У него ветрянка, завтра он в школу прийти не сможет, так что мы вынуждены просить об отпуске на неделю.

Разговор был окончен. Цзи Шэньюй остался доволен:

— Спасибо, старший брат.

После звонка и благодарности в комнате снова воцарилась тишина морга.

Дин Ханьбай посидел рядом еще какое-то время, глядя в пустоту, а потом спохватился: что он вообще тут делает? Только время зря теряет. Он молча поднялся и вышел. Но просто покинуть спальню было мало — он напрямик направился во внутренний двор, чтобы заняться яшмовой вставкой.

Цзи Шэньюй остался один, лег в постель и принялся задумчиво теребить колокольчик.

В доме наконец воцарился мир, хотя длился он всего неделю, пока в выходные Дин Яньшоу не вышел из себя. Причина была пустяковой: в его коллекции маотая снова не досчитались двух бутылок.

Все были дома, кроме Дин Ханьбая, так что искать виновника не требовалось.

Когда остальные разошлись, осталась только семья из трех человек. Цзян Шулю попыталась успокоить мужа:

— Может, он опять подарил их начальству? Ему ведь нужно получить должность начальника группы.

Дин Яньшоу так сжал пульт от телевизора, что тот жалобно хрустнул:

— Если он так и не получит эту должность, мне что, все свои запасы раздать придется?

Цзи Шэньюй сидел в кресле, молча наблюдая за ними. По телевизору шла комедия, и он с трудом сдерживал смех. Цзян Шулю помолчала, а потом вдруг предложила иную версию:

— А может, он влюбился и решил задобрить отца своей избранницы?

Дин Яньшоу мгновенно просветлел:

— Ну, если так, то он не дурак. Позже я спрошу у старого Шана.

Возможно, из-за того, что он слишком долго сдерживался, желание смеяться пропало, а может, фильм оказался не таким уж забавным. Цзи Шэньюй, потеряв интерес к телевизору, спросил:

— Учитель, матушка, а у старшего брата есть девушка?

Дин Яньшоу ответил:

— Кто знает, он мне не докладывает. Но вот у Эрхэ и Кэ Юя девушки есть, может, и Тинэнь в школе с кем-то встречается. А ты? У тебя в школе есть знакомые девушки, которые тебе нравятся?

Вопрос был задан так неожиданно, что Цзи Шэньюй растерялся и, глядя на стариков, не смог вымолвить ни слова.

Пока они шумно обсуждали его личную жизнь, Дин Ханьбай с бутылкой маотая уже стоял у дома Чжан Сыняня. Он собирался прийти сюда давно, но все время откладывал, и теперь гадал, не злитесь ли старики и не станет ли чинить препятствия.

Дин Ханьбай вошел во двор:

— Дядюшка Чжан?

Чжан Сынянь откинул полог двери:

— Как ты меня назвал?

Дин Ханьбай призадумался:

— Дядя Чжан?

Чжан Сынянь зыркнул на него:

— По-моему, ты дурак!

У Дина едва не лопнуло терпение. Что, теперь старшим братом его звать? Для начала хоть бы прическу в порядок привел! Он с трудом проглотил обиду и протянул бутылку маотая. К его удивлению, Чжан Сынянь взял ее и со всей силы швырнул об пол. Вино брызнуло в разные стороны, и по всему двору разлился густой аромат.

— Мне сдались эти две бутылки дряни?!

Дин Ханьбай помнил, что Чжан Сынянь пил вино во время еды, а значит, любил его. Но в этом убогом домишке, среди хлама, он воротил нос от настоящего маотая. Дин посмотрел прямо в глаза старику — один из которых был слеп, а другой смотрел зорко — и спросил:

— А что ты хочешь пить? Я достану.

Чжан Сынянь ответил:

— Я тебе не отец.

Дин Ханьбай сказал:

— Судя по всему, детей у тебя нет. Если бы ты был моим отцом, я бы не позволил тебе так жить.

Он говорил медленно, внимательно наблюдая за тем, как меняется лицо собеседника. Этот человек был странным: когда он перебирал вещи, в нем чувствовался опытный делец, а комната, забитая смесью подделок и настоящих антикварных ценностей, выдавала в нем знатока. Этому нельзя научиться по книгам — чтобы отличать подлинники, нужно постоянно иметь дело с настоящими вещами, и одной-двумя тут не обойтись.

Значит, Чжан Сынянь не просто старьевщик. Или, по крайней мере, раньше он им не был.

После долгой паузы Чжан Сынянь спросил:

— И как бы ты хотел, чтобы я жил? Пить маотай на завтрак, обед и ужин?

Дин Ханьбай ответил:

— Неважно, что пить. Главное — чтобы было с кем выпить, когда станет скучно. — Он сделал шаг вперед. — В первый раз ты пригласил меня, потому что я распознал подделки: и селадоновую вазу, и вазу с узором Сто долголетья, и курильницу в стиле Гэ. Верно?

Видя, что тот молчит, он продолжил:

— А когда ты предложил мне выбрать одну вещь, ты хотел испытать меня снова. Тоже верно?

Не дожидаясь реакции Чжан Сыняня, он спросил:

— А если бы я выбрал настоящую, что бы ты сделал?

Чжан Сынянь ответил невпопад:

— В твоём возрасте распознать селадоновую вазу и курильницу можно, сославшись на талант и опыт, но распознать вазу Сто долголетья невозможно. У тебя есть учитель?

Дин Ханьбай честно признался:

— Мой учитель — мой отец. Он учил меня резьбе по яшме. Я с детства умею отличать камни и дерево, а антиквариат — это мое тайное увлечение. Я узнал вазу Сто долголетья, потому что настоящая стоит у нас дома. Не вру.

В комнате не зажигали свет, было темно, как в пещере. Чжан Сынянь позволил ему войти и выбрать, не сказав ни слова. Дин Ханьбай наконец смог внимательно рассмотреть все эти предметы: настоящие, поддельные, искусные имитации, вещи, в которых трудно было разобраться... У него разбежались глаза, он не мог сдвинуться с места.

Когда Дин Ханьбай вышел, в руках у него была подставка для кистей из белого нефрита с узором чилун. Небольшая, но тяжелая.

Он все-таки спросил: что будет, если вещь настоящая, и что, если поддельная?

Чжан Сынянь ответил:

— Если настоящая — значит, я не ошибся, из тебя выйдет толк. Станешь моим учеником — я тебя научу. Если поддельная, но ты все равно готов пить со мной вино — я тронут. Станешь моим учеником — я тебя все равно научу.

Он не настаивал, не захочет — не надо, значит, судьба такая, не он же потеряет.

На полу было разлито вино, но Дин Ханьбай почувствовал легкое опьянение. В этой жизни он должен был отвечать за Юй Сяоци, у него не было выбора, поэтому он всегда увлекался

антиквариатом тайком. Но почему судьба дала ему этот шанс? Теперь он оказался в безвыходном положении.

Он согрел подставку для кистей в руках, и внутри у него тоже закипело, словно вино в кувшине.

Жизнь нельзя прожить зря. Может, он и не совершит ничего грандиозного, но и жалеть о не сделанном не хотел. Он ступил на осколки бутылки, принимая этот дар судьбы, и торжественно произнес:

— Учитель, с этого дня я буду пить с вами.

Когда Дин Ханьбай вернулся из района Чуншуй, он все еще пребывал в задумчивости. Но стоило ему увидеть Дин Яньшоу, как он пришел в себя и начал нервничать.

Дин Яньшоу нахмурился:

— А вот и воришка маотая вернулся. Врага у ворот можно встретить, а вора в доме — нет. Кому ты отдал вино? Думаешь, я не знаю?

Дин Ханьбай испугался: отец в курсе? Он прокололся?

— Отдал отцу Миньжу? — спросил Дин Яньшоу. — Раньше говорил, что она тебе не нравится, но я-то знаю, что у тебя с детства кожа толстая, вот и стесняешься, скрываешь от нас.

Что к чему... Дин Ханьбай растерянно кивнул, лишь бы тот не догадался о другом учителе. Вернувшись во внутренний двор, он увидел, что Цзи Шэньюй и Цзян Тинэнь играют в карты, а рядом с ними лежат мешочки с кристаллами вместо фишек.

Цзи Шэньюй увидел спасителя:

— Старший брат, у меня почти все кристаллы закончились!

Дин Ханьбай был не в духе:

— А мне какое дело? У тебя что, птичка больше не болит?

Проиграв последний мешочек, Цзи Шэньюй подошел к окну кабинета. Дин Ханьбай, расслабленно откинувшись на спинку стула, полировал печать с розой. Цзи Шэньюй облокотился на подоконник:

— Старший брат, та девушка, которую мы видели в музее, — твоя невеста?

Дин Ханьбай хмыкнул, не то подтверждая, не то отрицая:

— Знакомы с детства, семьи тоже дружат. Все говорят, что раз мы достигли брачного возраста, а никого подходящего нет, то можно сойтись. Родители так часто шутят, что сами в это поверили.

Цзи Шэньюй спросил:

— А вы друг другу не нравитесь?

Дин Ханьбай ответил:

— Я еще не встретил ту, что мне по душе. Кто знает, когда она появится? Но я не могу ждать вечно, до тридцати-сорока лет? Придет — хорошо, нет — не буду я ее ждать.

Для Цзи Шэньюя взгляды на отношения были чем-то туманным. Он был незаконнорожденным, пример Цзи Фансюя не сулил ничего хорошего, а слова Дин Ханьбая лишь добавили путаницы. Он решил больше не думать об этом и спросил:

— Печать хорошо получилась?

Дин Ханьбай взял со стола рисовую бумагу и подошел к окну:

— Хорошо. Я в последнее время много чего ею проштамповал.

На бумаге были написаны две строки из стихов Тагора. Каллиграфия в сочетании с иностранными стихами показалась Цзи Шэньюю забавной. Дин Ханьбай приложил печать к бумаге, и на ней проступило его имя.

Все шло как нельзя лучше, но неприятности всегда случаются именно тогда, когда все хорошо.

Пышный букет из красных и белых роз, переплетенных между собой, выглядел очень живо. Один из мелких побегов, тоньше, чем нарисованные Цзи Шэньюем сосновые иглы, надломился, когда Дин Ханьбай слишком сильно сжал печать.

Остаток веточки превратился в острый шип.

Все произошло так быстро, что Дин Ханьбай замер, а Цзи Шэньюй среагировал раньше — он выхватил печать из рук Дина. Тот остался с листом бумаги в руках:

— Ты что делаешь?

Цзи Шэньюй ответил:

— Я забираю ее обратно. Не подарю.

Дин Ханьбай был в шоке:

— Ты серьезно?!

Сломанный кусочек лежал на бумаге. Цзи Шэньюй поднял его, размышляя, как починить. Слишком тонко, склеить не получится, разве что обмотать ниткой, но в любом случае это будет брак.

Дин Ханьбай протянул руку, требуя вернуть печать, чтобы самому все исправить.

Цзи Шэньюй с разочарованием сказал:

— Ты все равно ее не любишь. Не починишь — будет колоться, починишь — останется след. Будешь только больше раздражаться, лучше уж никак.

Дин Ханьбай внезапно вспомнил, что юноша говорил, будто любит сирень.

Воспользовавшись моментом, Цзи Шэньюй ушел, сжимая в руке печать с розой.

Что это было? Он сам себя высек, как та сирень!

Дин Ханьбай редко о чем-то жалел, а если чего-то хотел, то просто брал — вопрос был лишь в деньгах. Но тут все иначе: подарок забрали, а чтобы вернуть его, нужно признаться, что он ему дорог, а это значит — признать, что он сам же и наговорил лишнего.

Ему казалось, что с тех пор, как Цзи Шэньюй появился здесь, его преследуют одни неудачи. А потом он разозлился на юношу: неужели у того глаз нет? Он же сказал, что печать хорошая, что постоянно ею пользуется — разве не ясно, что она ему нравится?

Дин Ханьбай стоял у окна, предаваясь глупым размышлениям, а потом скомкал лист бумаги и выбросил.

А через минуту подобрал. В конце концов, это была последняя работа, на которой стояло его имя, — жалко. Он чувствовал себя жалким, а больше всего на свете ненавидел нытиков. Поэтому он решил подавить в себе это желание — в конце концов, вырежет печать получше.

Цзи Шэньюй, конечно, не знал о богатом внутреннем мире Дина. Он положил испорченную печать в ящик, не зная, как ее исправить. Да и смысла не было: на ней вырезано имя Дин Ханьбая, а он не мог им пользоваться.

Через несколько дней больничный закончился, рана почти зажила. Утром, собираясь в школу, он выслушал от Цзян Шулю столько наставлений — даже о том, чтобы его не толкнули в туалете, — что ему стало ужасно неловко.

Дин Ханьбай слушал и посмеивался, пока разговор вдруг не свернул на него. Цзян Шулю сказала:

— Чему ты радуешься? В выходные я пригласила Миньжу на обед, так что никаких дел не планируй.

Дин Ханьбай потерял дар речи. Родители и правда решили, что у него роман? Поразмыслив, он понял: Цзян Цайвэй и Шан Миньжу — близкие подруги, с детства часто ходили друг к другу в гости. Когда придет Шан Миньжу, она сама все объяснит, и это будет куда эффективнее, чем его оправдания.

Они вышли вместе, но на перекрестке разошлись: Цзи Шэньюй пошел на автобусную остановку, а Дин Ханьбай скрылся на велосипеде. Однако вскоре автобус догнал Дина.

Цзи Шэньюй высунулся из окна:

— Я быстрее тебя!

Дин Ханьбай, подыгрывая, изо всех сил нажал на педали, поравнявшись с автобусом. На дороге было полно машин, он ловко лавировал в потоке, как рыба в воде.

Цзи Шэньюй тут же пожалел:

— Опасно, не гоняйся!

Дин Ханьбай послушно сбавил скорость, оставив позади лишь звон велосипедного звонка:

— Если в школе будет плохо, возвращайся домой.

Фигура Дина постепенно скрылась из виду. Цзи Шэньюй вовремя добрался до школы, погрузившись в учебу. А Дин Ханьбай, придя в офис, за день разгреб все дела, накопившиеся за неделю, и остаток дня бездельничал.

Наступили выходные. Погода стояла ясная и прохладная.

Шан Миньжу пришла на обед, принесла две бутылки маотая.

Дин Яньшоу опешил: это ответный жест или возвращение долга? Цзян Шулю почувствовала, что они что-то напутали, и принялась расспрашивать о работе в музее, о здоровье старого Шана, переводя тему на посторонние вещи.

Солнце поднялось высоко, Дин Ханьбай только проснулся и, перевернувшись, снова провалился в сон. В уши проник едва слышный гул. Он прислушался, закрыв глаза: частота вибрации была знакомой... Это звук шлифовального станка!

Дин Ханьбай вскочил с кровати и выбежал из комнаты, направляясь в южное крыло — посмотреть, кто пробрался в его мастерскую. С таким видом, будто застал кого-то с поличным.

Но дверь мастерской была заперта. Он прислушался — внутри было тихо. Может, приснилось? Умывшись, он проходил мимо комнаты Цзи Шэньюя и снова услышал тот же звук.

Дин Ханьбай постучал:

— Жемчужина, ты что там делаешь?

Звук мгновенно стих. Цзи Шэньюй выключил старенький шлифовальный станок и ответил:

— Сплю, зубами скриплю.

Дин Ханьбай не поверил. Он уже хотел толкнуть дверь, как его окликнули. Обернувшись, он увидел Шан Миньжу, стоящую у бамбука. Он поздоровался и спустился вниз.

Шан Миньжу прямо спросила:

— Тетя сказала, что ты позвал меня на обед. У тебя есть ко мне просьба?

Дин Ханьбай вздохнул:

— У меня что, души нет? Если бы было дело, я бы пригласил тебя в ресторан.

Шан Миньжу улыбнулась:

— Тогда я поняла намерения тети и дяди.

— Не обращай на них внимания, — сказал Дин Ханьбай. — Поболтай с тетушкой, пообедаем, а если захотите куда-нибудь сходить, я отвезу вас на машине. Ты давно не была у нас, а у тетушки в последнее время настроение не очень.

Они немного поболтали о том о сем, а потом он попросил у нее осенний каталог музея. Постепенно они отошли от внутреннего двора, и в доме воцарилась тишина.

Цзи Шэньюй молча чинил печать. Склеить ее было нельзя, обматывать ниткой не хотелось, поэтому он просто отломил оставшийся кусочек веточки и отшлифовал место скола до гладкости. К счастью, цветы были расположены плотно, и после исправления дефект почти не бросался в глаза. Если Дин Ханьбай примет, то сойдет и так.

Голоса во дворе стихли. Цзи Шэньюй включил станок и к полудню наконец закончил работу. Дина не было, он помыл руки и пошел в гостиную на обед. Там было шумно — пришел Цзян Тинэнь и оживленно болтал с Шан Миньжу.

Дин Ханьбай заметил Цзи Шэньюя, но никак не отреагировал. Точнее, отреагировал: опустил ногу, которую держал закинутой на колено.

Цзи Шэньюй пошел на кухню помогать с блюдами, заняв привычное место ученика: расставлял посуду, наливал суп, готовил фрукты. Когда все было готово, он замедлил шаг, ожидая, пока остальные сядут за стол.

Дин Яньшоу и Цзян Шулю суетились, усаживая Шан Миньжу слева от Дин Ханьбая.

Цзи Шэньюй подумал, что сядет рядом с Цзян Цайвэй — неплохо. Но не тут-то было: Цзян Тинэнь занял место рядом с ней, и Цзи Шэньюй пришлось сесть с краю, довольствуясь тарелкой жареных древесных грибов.

Во время еды Шан Миньжу пролила суп. Цзян Шулю велела Дин Ханьбаю немедленно налить ей еще.

Шан Миньжу пожаловалась:

— Он за столом ведет себя плохо, постоянно толкает меня локтем, из-за чего я уже несколько раз роняла еду.

Дин Ханьбай привык задирать Цзи Шэньюя и никак не мог перестроиться. Он покосился на юношу: тот жевал грибы, явно злорадствуя, и, похоже, ждал, что Шан Миньжу отчитает Дина еще раз.

Обед прошел в атмосфере, где юмор перемежался с неловкостью. Родители Дина отвечали за юмор, а Шан Миньжу — за неловкость, особенно когда Дин Яньшоу заговорил о том, что пора бы уже жениться. Шан Миньжу чуть снова не пролила суп.

Дин Ханьбай сказал:

— Мне всего двадцать, по закону жениться нельзя. Вы хотите, чтобы я нарушил закон?

Цзян Шулю закатила глаза:

— Осень уже. После дня рождения будет двадцать один. Знаешь, что такое время летит, как жеребенок мимо окна?

Дин Ханьбай повернул голову к Шан Миньжу, ожидая поддержки, но краем глаза снова заметил Цзи Шэньюя. Кто-то положил ему в тарелку хвостовую часть камбалы, и тот, как кот, с удовольствием обгладывал ее, довольно прищурившись.

После обеда Цзи Шэньюй позвал Цзян Тинэня играть в карты. Он не любил это занятие, но хотел отыграть кристаллы. Они сели друг напротив друга в коридоре, перемешали колоду, и

Цзи Шэньюй обрадовался, вытянув джокера.

Цзян Тинэнь внезапно спросил:

— Как думаешь, кто красивее: тетушка или Миньжу-цзе?

Цзи Шэньюй ответил:

— Тетушка. — На самом деле они были похожи, но он не был знаком с Шан Миньжу, поэтому симпатия была на стороне Цзян Цайвэй. — Старший брат и она явно не нравятся друг другу, разве учитель и матушка этого не видят?

Цзян Тинэнь удивился:

— Миньжу-цзе нравится старший брат, кто сказал, что нет!

Цзи Шэньюй тоже удивился: с чего он это взял? У него что, с глазами плохо? Цзян Тинэнь, который был старше его всего на полгода, рассуждал по-взрослому:

— Намерения родителей очевидны, неужели Миньжу-цзе не понимает? Раз понимает и все равно приходит, значит, она равнодушна к брату. Не ради же нашей еды она сюда таскается?

Цзи Шэньюй отвлекся и проиграл раунд. Перемешивая карты, он услышал, как Цзян Тинэнь продолжил:

— Но брату она, кажется, не очень нравится. Может, потому что она старше, и он не хочет, чтобы им командовали. Но с самого детства у него было столько недругов, и я ни разу не видел, чтобы он кем-то интересовался.

Цзи Шэньюй решил прощупать почву:

— А Миньжу-цзе не смущает, что он младше? Разве девушки на это не смотрят?

Цзян Тинэнь ответил:

— Женщины эмоциональны. К тому же, когда влюбляешься, разве думаешь о таких мелочах? Миньжу-цзе даже говорила, что я стал намного взрослее. Может, когда-нибудь она бросит брата и выберет меня.

<http://bllate.org/book/19144/1880226>